

В течение последнего месяца, хотя они и не часто обменивались словами, пока император с императрицей жили под одной крышей, император Чун Чжэнь думал, что так все же лучше, чем жить в своем зале в одиночестве. Увидев, как императрица Чэнь покинула его безо всяких колебаний, он почувствовал, что зал Ян Синь стал слишком просторным и пустым. Теперь ему казалось, что он совсем не привык жить здесь один.

Несколько дней спустя императрица Чэнь пришла в императорский кабинет по собственной инициативе, чтобы поговорить с ним, и он был ошеломлен ее поступком.

Чжао Чжи Цин получил ранения, пытаясь спасти императрицу. Большинство ран уже затянулось после месяца лечения, и он не поднимал эту тему. Императрица Чэнь тоже молчала. Они оба понимали без слов, что не стоит упоминать о произошедшем, как будто этого пожара никогда и не было. Чжао Чжи Цин прекрасно осознавал, что лжет сам себе, но не хотел говорить правду. Он боялся, что если он что-нибудь скажет, то даже это хрупкое перемирие между ними сразу же разрушится.

Императрица Чэнь стояла перед красным сандаловым столом с изогнутыми краями и смотрела на императора, который сидел на троне, одетый в золотую мантию, расшитую драконами и благоприятными облаками. Наконец, она заговорила с ним: "У этой супруги есть просьба к Его Величеству".

Император Чун Чжэнь посмотрел на нее и сразу же почувствовал неладное. Некоторое время спустя он ответил: "Пожалуйста, говори".

Императрица Чэнь, вероятно, уже приняла решение. Она не стала ни медлить, ни спешить со следующими словами: "Эта супруга хочет переехать в храм Шань Ань, чтобы изучать и практиковать буддизм. Ваше Величество, пожалуйста, дайте свое согласие".

Император Чун Чжэнь крепко сжал отчет, который держал в своих руках, и пристально посмотрел на нее.

Храм Шань Ань был реконструирован императорской семьей. Он находился за пределами дворца, но не так далеко. До храма можно было добраться всего за пятнадцать минут. Только в Новый год дворец организовывал для императорских наложниц поездку туда, чтобы воскурить фимиам и поклониться Будде. Теперь императрица Чэнь просила позволить ей переехать туда по собственной инициативе, чтобы изучать и практиковать буддизм. Император Чун Чжэнь долго не мог прийти в себя после такой просьбы.

Императрица Чэнь молча стояла перед ним в ожидании его согласия.

В течение долгого времени император Чун Чжэнь то сильнее сжимал доклад, который держал в руках, то ослаблял хватку. Его голос был хриплым и звучал бессильно, когда он спросил императрицу: "Вань Вань, неужели у этого императора совсем не осталось никаких шансов?"

Императрица Чэнь опустила глаза и уставилась на стол перед императором, вместо того, чтобы смотреть на него. Ее голос был мягким, когда она спросила его: "Ваше Величество, Вы согласны?"

Император Чун Чжэнь встал из-за стола и остановился перед императрицей Чэнь. Их разделяло всего два шага, но казалось, что они находятся на разных концах света. Он сменил тему, задав ей другой вопрос: "Это ты устроила пожар в зале Бао Хэ?"

После минуты молчания императрица Чэнь кивнула и призналась: "Да".

"Зачем ты это сделала?" Император Чун понаблюдав за ней и затем, наконец, задал вопрос, который так терзал его сердце: "Ты правда потеряла всякую надежду и веру в этого императора?"

Императрица Чэнь на мгновение задумалась, прежде чем дать ему свой ответ: "Ваше Величество, Вам не нужно говорить эти слова. Ваше Величество, Вы спасли эту супругу. Эта супруга очень благодарна Вам, но у нее нет причин продолжать жить во дворце. Если эта супруга останется здесь, она лишь совершит еще больше глупостей". Она подняла глаза и посмотрела на мужчину перед собой. В мгновение ока пролетело столько лет. Они действительно стали друг другу совершенными незнакомцами. Тени их прошлого больше не существовало.

"Ваше Величество, Вам не нужно возмещать мне то, что произошло в прошлом. Я уже отпустила прошлые обиды. Как император, Вы должны брать на себя и принимать более тяжелые обязанности, чем обычный человек. Ваши действия также были разумными. Однако, дело в том, что мое сердце недалеко, и я не могу смириться с Вашими решениями".

Император Чун Чжэнь молча смотрел на нее. Он горько и с болью улыбнулся: "Значит, ты все еще не хочешь прощать этого императора".

Если она больше не обижалась, то почему она не смотрела на него? Зачем ей настаивать на том, чтобы уехать в такое неприятное место как храм Шань Ань? Он ни за что бы не согласился на это.

Императрица Чэнь ничего не ответила.

Чжао Чжи Цин не удержался и взял ее за руку. Его голос был низким, и в нем слышался легкий умоляющий тон, когда он обратился к ней со своей просьбой: "Вань Вань, этот император был неправ. Этот император не должен был пренебрегать тобой, и тем более ослаблять семью Чэнь за твоей спиной. Прошу, не могла бы ты не покидать этого императора? Я должным образом расплачусь за все ошибки прошлого. Впредь я больше ни к кому не пойду. Я распушу императорский гарем и буду проводить все время только с тобой. Я отрекусь от титула императора. Мы будем путешествовать по миру вдвоем. Разве ты не говорила, что тебе больше всего нравятся пейзажи провинции Ву? Мы можем поселиться там. Если это сделает тебя счастливой, мы больше никогда не вернемся в столицу".

Императрица Чэнь долго смотрела на Чжао Чжи Цина, прежде чем безразлично убрать свою руку из его руки. "Ваше Величество, слишком поздно говорить эти слова".

Она выглядела так, будто задумалась о чем-то. В ее взгляде на мгновение появились размышления. Вскоре после этого она сказала слегка сожаляющим тоном: "Когда я так хотела услышать эти слова, Вы все время были в спальне госпожи Нин. Все во дворце видели, как сильно Вы ее цените. Вы даже предоставили ей много особых привилегий. После того, как Люли с трудом спасли от отравления, и я хотела расследовать это преступление, чтобы найти истинного виновника, Вы обвинили меня в чрезмерной подозрительности. Вы обвинили меня в панике и обращении со всеми как с врагами. Теперь госпожа Нин мертва, и у меня нет других желаний. Ваше Величество, пожалуйста, возьмите свои слова обратно. Эта супруга просто хочет жить мирной жизнью. Ваше Величество, пожалуйста, будьте милостивы и исполните единственное давнее желание этой супруги".

Тело императора Чун Чжэня задрожало. Он почувствовал совершенную безысходность от слов

императрицы Чэнь.

Она обрела покой. Но что насчет него? Кто останется с ним, чтобы прожить одинокую и долгую вторую половину его жизни?

Голос императора Чун Чжэня задышался от эмоций: "Вань Вань... этот император не хочет быть милостивым и соглашаться".

Императрица Чэнь на мгновение застыла. Вскоре после этого выражение ее лица стало холодным, и она ответила: "Тогда этой супруге придется остаться в зале Чжао Ян и практиковать буддизм. Ваше Величество, пожалуйста, не вините эту супругу".

В императорском кабинете стало тихо. Снаружи ничего не было слышно. Евнух Чу стоял за дверью, держа в руках свою метелочку из конского хвоста. Он посмотрел на пустое лазурное небо над императорским дворцом. Он думал, что если императрица сможет примириться с императором, все снова будет хорошо. В течение последних нескольких дней, когда императрица не обращала внимания на императора, император почти ничего не ел.

Император Чун Чжэнь поднял руку и ненадолго закрыл глаза, прежде чем решительно убрал руку от лица. Его глаза были красными, а голос хриплым, когда он сказал: "Хорошо, этот император согласен".

Императрица Чэнь опустила глаза и сказала: "Большое спасибо, Ваше Величество".

После ухода императрицы Чэнь император Чун Чжэнь долго сидел в императорском кабинете в оцепенении. Казалось, будто все его тело опустошили.

Когда евнух Чу пришел в кабинет, чтобы принести чай, и увидел это зрелище, он очень испугался. Он поставил разноцветную чашку и сказал: "Ваше Величество? Ваше Величество?"

Император Чун Чжэнь, наконец, пришел в чувство и огляделся по сторонам. Императрица Чэнь уже давно ушла. Он тяжело выдохнул и скорбным тоном сказал: "Евнух Чу".

Евнух Чу ответил: "Этот слуга здесь".

Император Чун Чжэнь закрыл глаза и сказал: "Сердце этого императора... болит слишком сильно".

Резиденция принца Цзина.

Вэй Ло обнаружила, что дети на самом деле очень быстро меняются. Всего за три месяца маленький Чжао Си превратился из морщинистой обезьянки в прекрасного мальчика, который выглядел так, словно был вырезан из белого нефрита. Каждый день Вэй Ло проводила полдня, играя с ним. Малыш любил Вэй Ло больше всех. Как только он ее видел, он начинал радостно лепетать и протягивал короткие ручки, похожие на корни лотоса, чтобы Вэй Ло подняла его. Сердце Вэй Ло таяло каждый раз, когда она это видела.

Этот малыш вел себя совсем не так, как Чжао Цзе. Вместо этого, у него был такой же милый и игривый характер, как у Вэй Ло, когда она была ребенком. Он любил улыбаться, приставать к людям и вести себя немного озорно. Вэй Ло казалось, что это тоже хорошо. У Чжао Цзе был действительно странный характер. Вряд ли было бы хорошо, если бы их сын стал таким же, как

он.

Что касается оставшейся половины дня... естественно, она должна была проводить это время с конкретным мужчиной.

Будучи взрослым, было довольно смешно с его стороны ревновать к собственному сыну. Вэй Ло мысленно критиковала его недостатки, но она не осмеливалась показать это на своем лице. Она могла только покорно потворствовать ему. Вероятно, это было потому, что, когда Вэй Ло давала понять, что она больше заботится о своем сыне, чем о Чжао Цзе, Чжао Цзе выглядел недовольным и мучил ее, как только наступала ночь.

Зная это, как Вэй Ло могла осмелиться пренебречь им?

<http://tl.rulate.ru/book/5309/467184>